

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1956.1.06>

ИЗВЕСТИЕ У ИСААКА МАССЫ О ПРИБАЛТАХ-АВТОХТОНАХ СРЕДИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА НАЧАЛА XVII ВЕКА

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

I

Советская историческая наука неоспоримо установила, что дружеские взаимоотношения прибалтийских народов с великим русским народом имеют очень древнее происхождение. Археологические и лингвистические данные свидетельствуют о таких связях еще в первое тысячелетие до нашей эры. В последующие периоды исторического развития эти отношения в зависимости от политических условий принимали самый разнообразный характер, ширились и укреплялись. Нельзя сказать, что для всех времен и во всех деталях эти отношения уже достаточно изучены. Для полного освещения многих сторон этой темы в исторических источниках сохранились лишь крайне скудные данные.

Так, в частности, обстоит дело с вопросом о судьбе латышских и эстонских переселенцев на территории Русского государства в XVI и XVII веках. Известно, что в результате Ливонской войны некоторое количество эстонцев и латышей по различным причинам попало в основные области Русского государства и осталось там на постоянное жительство. Причинами такого переселения служило и попадание в плен в ходе войны, и административное перемещение, часто практиковавшееся в XVI веке, и добровольный уход с родных мест в Россию тех прибалтийских крестьян, которые не хотели оставаться под ярмом своих порабитителей — немецких феодалов; кроме того, часть из тех прибалтов, которые с начала Ливонской войны принимали активное участие на стороне русских в борьбе против немцев, шведов и поляков, с течением времени превратилась из участников крестьянских повстанческих отрядов в кадровых ратников русских войск. Русские власти, естественно, могли переводить их в любое место в зависимости от нужд обороны государства.

Русские и прибалтийские исторические источники XVI века и начала XVII века не содержат известий, которые давали бы исследователям достаточно материала для того, чтобы проследить во всех деталях судьбу этих прибалтийских переселенцев в основных областях России. Исторические документы позволяют лишь констатировать наличие таковых. Поэтому каждое известие, проливающее свет на эти не поддававшиеся до сих

пор изучению русско-балтийские взаимоотношения, представляет определенный интерес, даже если оно на первый взгляд кажется кратким и незначительным. Данная работа и имеет целью проанализировать одно такое известие и сделать из него некоторые выводы.

II

Такое известие в виде попутного упоминания, на которое до сих пор исследователи не обращали внимания и которое не использовано еще в деле изучения вопроса о прибалтах в России в XVI—XVII веках, мы находим у Исаака Массы в его записках о России начала XVII века ¹.

Исаак Масса был голландским купцом, который с 1601 по 1609 год и позже жил в Москве. Хорошо владея русским языком, он приходил в соприкосновение с самыми разнообразными слоями общества Московской Руси того времени, живо интересовался всеми явлениями политической, экономической и культурной жизни страны и оставил после себя очень содержательные записки о событиях эпохи крестьянской войны и польско-шведской интервенции в Русском государстве начала XVII века, наблюдателем которых он был.

Интересующее нас место у Исаака Массы относится к одному из решающих эпизодов военных действий между Борисом Годуновым и Лжедмитрием I и составляет описание захвата крепости Кромы казаками, сторонниками Лжедмитрия I, в марте 1605 года (датировка Массы). Лжедмитрий рвался к Москве, а укрепленный городок Кромы представлял собой ключевую позицию на пути в Москву. Однако это важное укрепление на глазах у всего московского войска было захвачено отрядом донских казаков Лжедмитрия I вследствие предательского руководства военными действиями главного воеводы московских войск князя Мстиславского. (Военачальники, возглавлявшие войско Бориса Годунова, вели военные действия вяло и только выжидали время, чтобы предаться самозванцу.)

Исаак Масса следующим образом изображает события под Кромами: «Войско Бориса останавливалось то здесь, то там, не добиваясь успеха ни в открытом поле, ни под городами, захваченными Димитрием, и 14 марта остановилось на сильно заболоченной равнине, в то время промерзшей. Там была гора, где находилась деревянная крепость, называемая Кромы, в которой было несколько домов. Из Кром с горы летом вела только одна дорога, которая к тому же была узка, так как кругом сплошь были болота. В эту крепость зашел один ротмистр, начальник немцев, живших в городе Туле, большей частью лифляндцев, пленных прибалтов-автохтонов (Onduytsen) и курляндцев. Его звали Лас Вьюго (Las Viugo). Он водрузил знамя на этой крепости и занял ее со своими людьми. Тогда главный воевода князь Федор Иванович Мстиславский приказал ему покинуть ее, зажечь и возвратиться к войску; и никто не знал, по какой причине это произошло» ² (перевод наш — И. К.).

¹ Голландский текст в издании Археологической комиссии — «*Rerum Rossicarum scriptores exteri*», Tomus II, Petropoli, 1868.

² «Т leeger van Boris heeft dan hier dan daer sich nedergeslagen sonder yet uut te rechten in den velde noch aen eenige plaetsen die Demetrius inne hadde, en is den 14 Maert nedergeslagen op een vlacke plaetse, daer veel morasschen ontrent waren, dan 't was al hart gevrooren rondomme, en daer was eenen berch, daerop een houten casteel lach, Crom geheeten, daer rondom eenige huysen in waren, en omme dit Crom hadde somers maer eenen uitganck van den berge die noch enge ooc was, want rondom voort morassen waren. In dit casteel liep eenen ritmeester van de duytsse overste synde, die in stadt Toela woonden, meest Lyflanders, gevangene Onduytsen en Coerlanders, en hy

Далее Масса сообщает, что донские казаки, входившие в состав войска Димитрия, заметив, что Кромь горят и московские войска оставляют крепость, немедленно завладели ею и укрепились в ней. Захват Кромь казаками дал направление всему дальнейшему ходу военных операций московского войска, которые свелись к бесплодной осаде Кромь, продолжавшейся до смерти царя Бориса, после которой все московское войско перешло на сторону Лжедмитрия.

III

В голландском тексте наше внимание должен привлечь прежде всего термин «Onduytsen», как непосредственно относящийся в нашей теме. Это обозначение Исаак Масса заимствовал из языка ливонских немцев. Оно состоит из корня «duyts», обозначающего принадлежность к немецкому, и отрицательной приставки «on». Таким образом, калькированный перевод этого слова — «не-немцы». Однако в специфике ливонских общественных отношений XVI—XVII веков это слово в языке ливонских немцев стало термином для обозначения поработанных ими автохтонных прибалтийских народностей. В Ливонии, следовательно, словом «Onduytsen» называли без различия и эстонцев, и латышей, и ливов, являвшихся крепостными крестьянами немецких феодалов, противопоставляя их, таким образом, немцам, составлявшим привилегированные слои ливонского общества³. Исаак Масса имел возможность общаться в Москве с ливонскими немцами, нижненемецкий диалект которых был близок голландскому языку того времени, поэтому естественно, что он знал этот термин. Он пользуется им в этом месте своих записок для того, чтобы подчеркнуть, что в состав тульского иноземного отряда московских войск входили не ливонцы вообще, а именно представители автохтонных прибалтийских народностей.

Записки Массы были два раза переведены на русский язык и один раз на французский.

Первый перевод (Шаховского) был напечатан в издании Археографической комиссии в 1874 году⁴. Вторым переводчиком является А. А. Морозов, перевод которого издан Соцэкгизом в 1937 г.⁵ Оба переводчика, не зная ливонского значения слова «Onduytsen», при переводе пренебрегли отрицательной приставкой «on» и переводили слово «Onduytsen» просто «немцы». Облонский⁶, переводивший записки Исаака Массы на французский язык, тоже не знал ливонского значения слова «Onduytsen», но он все же учел отрицательную приставку «on» и перевел это слово «non allemand». Это неправильное истолкование термина «Onduytsen»

was genaempt Las Viugo, en staek een vane uut dit casteel en nam 't selve in met synen volcke. Dan de veltoverste cnees Fedor Ivanovitz Missislofsci beval hem te verlaten en in brant te steecken en hem in den leeger te houden, niemant en can weeten om wat oorsaek dit was.» («Rerum Rossicarum scriptores exteri», Tomus II, Petropoli, 1868, pag. 60—61).

³ Употребление термина «Onduytsen» в его ливонском значении можно проследить по ливонским литературным памятникам XVI века, например по «Ливонской хронике» Балтазара Руссова (Scriptores rerum Livonicarum, Bd. 1—2, Riga & Leipzig, 1848—1853).

⁴ «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России», Издание Археографической комиссии, СПб, 1874.

⁵ Исаак Масса, Краткое известие о Московии в начале XVII века, Москва, 1937.

⁶ Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, t. 2, Bruxelles, 1866.

трем переводчиками записок Массы является одной из причин, почему до сих пор осталось незамеченным, что в этом месте Масса толкует о прибалтах-автохтонах.

Во вторую очередь мы должны обратить внимание на имя начальника отряда «Las Viugo». Не вызывает никакого сомнения то, что это имя не русское и не немецкое, к тому же состав и форма этого имени допускают предположение, что оно принадлежит одному из прибалтийских языков финноугорской семьи⁷. Это, как и несомненно прибалтийский состав отряда, делает естественным вывод, что и начальник отряда был также прибалтом-автохтоном. Тем более, что московскому войску того времени отнюдь не чужды военные отряды, укомплектованные лицами одной народности под командой начальников из среды этой же народности, а также известны групповые поселения и верстания земельными наделами служилых людей, выходцев из соседних стран (из Литвы, татарских ханств), на рубежах, нуждавшихся в обороне⁸.

Подвергнем теперь более близкому рассмотрению формулировку и словоупотребление в тексте Исаака Массы, чтобы сделать дополнительные выводы о составе отряда Ласа Вьюго.

Лас Вьюго у Массы назван «ritmeester van de duytsse overste synde, die in stadt Toela woonden...» Слово «ritmeester» говорит нам о том, что отряд был конный. Далее толкованию подлежит слово «duytsse»; мы перевели его буквально «немцы», но считаем, что Масса в данном случае калькирует русское слово «немцы», которое в словоупотреблении той эпохи обозначало не только немцев в современном узком смысле, а западных иноземцев вообще.

То, что отряд не был немецким в узком смысле слова, а смешанным, говорит нам сам Исаак Масса, сообщая, что в составе отряда «были: «... meest Lyflanders, gevangene Onduytsen en Coerlanders.» Таким образом, кроме меньшей части, состоявшей из каких-то не называемых Исааком Массой отдельно иноземцев, большую часть отряда (meest) составляли «Lyflanders, gevangene Onduytsen en Coerlanders...». Из этих трех наименований второе бесспорно означает прибалтов-автохтонов, немцев. Кого же Масса подразумевает под терминами «Lyflanders» и «Coerlanders», из данного контекста точно установить нельзя. Либо Масса этими словами называет вообще выходцев из Лифляндии и Курляндии, независимо от их этнической принадлежности, либо он под этими терминами подразумевает лифляндцев и курляндцев только немецкого происхождения. Наличие ливонских немцев в данном тульском отряде вполне возможно, упоминает же немец Буссов в своих мемуарах, что при взятии Тулы войсками царя Василия Шуйского 10 октября 1607 года попало в плен 52 немца⁹. Если под «Lyflanders» Масса подразумевает немцев, то существенным для нашей темы в данном свиде-

⁷ Так, имя «Las» можно рассматривать как финноугорский вариант бытовавшей в Прибалтике нижненемецкой формы имени Николай «Klās». В заимствованном слове мы здесь наблюдаем выпадение одного из двух начальных согласных. Это явление закономерно для прибалтийских финноугорских языков, фонетической системе которых свойственно, что слова начинаются только с одного согласного. Ср. вариант имени Николай в современном эстонском языке «Laas».

Прозвище «Viugo» допускает этимологизацию как родительный падеж эстонского диалектного слова «viik». Это слово, по данным Архива эстонского языка при Институте языка и литературы Академии наук Эстонской ССР, обозначает рыбу, напоминающую миногу. Это слово встречается в говорах побережья Финского залива восточнее города Таллина. Окончание «о» в нем соответствует старинному окончанию родительного падежа, в котором обычно в ту эпоху выражались эстонские прозвища.

⁸ См. В. Ключевский, Курс русской истории, ч. II, Москва, 1937, стр. 217—218.

⁹ И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607, Госполитиздат, 1951, стр. 464, примечание 3.

тельстве является то, что эти немцы, попав в Россию, служили в отряде на равных правах с прибалтами-автохтонами и под командой прибалта-автохтона Ласа Вьюго¹⁰.

А. А. Морозов в своем переводе записок Массы (1937 г.) относит слова «...meest Lyflanders, gevangene Onduytsen en Coerlanders...» не к составу отряда, а только к составу иноземных военачальников, живших в Туле. У него это место переведено следующим образом: «В эту крепость прибыл один ротмистр из числа немецких военачальников, живших в городе Туле, по большей части ливонцев, пленных немцев и курляндцев¹¹.

А. А. Морозов, помимо уже выше обсужденного неправильного перевода «Onduytsen» («немцы»), здесь неправильно понял синтаксическую конструкцию голландского текста. Он понял слово «duytse» как прилагательное определение к существительному «overste» («немецких военачальников»), в то время как в характерном для голландского языка партиципальном обороте «van de duytse overste synde» существительное «de duytse» с предлогом «van» является субстантивным предложным дополнением к существительному «overste», которое носит предикативный характер и употреблено со связочным партиципом «synde». Калькированный перевод этого места на русский язык следующий: «...ротмистр, являющийся начальником немцев, которые жили в городе Туле...».

Но даже и морозовская трактовка этого места не меняет существа вопроса: она интересующих нас тульских «Onduytsen» целиком относит к числу военачальников, что, однако, мало вероятно.

Итак, при любом синтаксическом толковании текста основной вывод, что среди служивых людей города Тулы в начале XVII века были прибалты-автохтоны, остается нерушимым.

IV

Интересно то, что атаманом донских казаков, которые захватили Кромы для Лжедмитрия после ухода из них отряда Ласа Вьюго, был также прибалт-автохтон, уроженец Курляндии, по прозвищу Корела. Масса дает ему следующую характеристику: «...предводителем этих казаков был Корела, шелудивый маленький человек, покрытый рубцами, родом из Курляндии, и за свою великую храбрость Корела еще в степи был избран этой партией казаков в атаманы, и он так вел себя в Кромах, что всякий, как мы еще увидим, страшился его имени¹².

Атаман Корела засвидетельствован также и русскими источниками. Из одного такого источника мы узнаем также и имя Корелы. Там сказано: «Во граде ж Кромы сидяше еретического же войска атаман козачей Гришка Корела»¹³. Масса далее сообщает, что Лжедмитрий I после того,

¹⁰ Если слова «Lyflanders, gevangene Onduytsen en Coerlanders» рассматривать синтаксически не как однородные члены предложения, а «gevangene Onduytsen» как приложение к «Lyflanders», а может быть и к «Coerlanders» что допустимо, так как пунктуация в изданном голландском тексте Массы проставлена издателями согласно их пониманию текста, а синтаксис Массы как писателя-непрофессионала, не столько грамматически логичен, сколько ситуативен (мнение, которое равным образом разделяют все переводчики Исаака Массы), то вопрос о прибалтийских немцах в составе отряда Ласа Вьюго отпадает в значительной своей части.

¹¹ Исаак Масса, Краткое известие о Московии XVII века, Москва, 1937, стр. 91.

¹² Исаак Масса, Краткое известие о Московии XVII в., Москва, 1937, стр. 91; «...Den oversten van deese Casacken was eenen Corela genaempt... unnt Coerlandt geboren...» («Rerum Rossicarum scriptores exteri». Tomus II, Petropoli, 1868, pag. 61).

¹³ «Иное сказание». Русская историческая библиотека, том XIII, стр. 36.

как он захватил Москву и стал царем, не забыл военной услуги, оказанной ему Корелой, оставил его с частью казаков в Москве и хотел его возвысить, но Корела как истинный вольный казак не пожелал стать вельможею¹⁴.

Что Корела был не курляндским немцем, а прибалтом-автохтоном, уроженцем Курляндии, можно считать бесспорным, так как казачество состояло из крестьян, бежавших от нестерпимого гнета крепостников в вольные степи по Днепру и Дону, и из потомков этих беглецов.

В казаки бежали не только крестьяне и холопы Московского государства, но и крестьяне из польских и литовских территорий, а Курляндия в то время была вассальным герцогством в составе польско-литовского государства. Крепостное же крестьянство Курляндии составляли латыши и латгальцы, к которым и следует отнести Григория Корелу. Можно предположить, что он был не единственный прибалтийский крестьянин, искавший и нашедший свободу в вольных казачьих степях.

V

Рассмотрим теперь вопрос о значении Тулы в обороне южных границ Русского централизованного государства XVI—XVII веков и об условиях испомещения служилого населения в уездах, граничащих с южными степями, чтобы представить себе положение тульских служилых прибалтов.

Одним из самых серьезных врагов Москвы в XVI веке было Крымское ханство. Татарские орды почти что ежегодно совершали опустошающие набеги на русскую землю, грабили и выжигали села и города, а жителей уводили в плен для продажи в рабство. Иногда они достигали самой Москвы, как, например, в 1570—1571 гг., когда они разграбили и сожгли всю Москву, кроме Кремля. Постоянно грозящая опасность со стороны южных степей вызывала необходимость в принятии особых мер для обороны этого рубежа. Московское правительство в середине XVI века создало так называемую Тульскую засечную черту обороны, которая тянулась от Нижнего Новгорода через Тулу к Козельску. Между городами и прочими укрепленными пунктами этой черты в лесах создавались засеки из поваленных деревьев, как препятствия для движения конных татарских отрядов. Город Тула дал этой укрепленной черте название, так как был в ней самым главным звеном, преграждавшим татарам наиболее удобный и прямой путь к Москве, так называемый Муравский шлях (татары совершали свои набеги обычно по определенным маршрутам, предпочитая такие, где на их пути встречалось меньше рек и других естественных препятствий).

Московское правительство постоянно заботилось о поселении в городах и уездах вдоль оборонной черты опытных в военном деле служилых людей, которые могли бы оказать должный отпор пытающимся прорваться на русскую землю татарам. Об этих оборонных мероприятиях Московского правительства говорят многие источники второй половины XVI и начала XVII века. Одной из таких мер, можно считать, и было поселение упоминаемой Исааком Массой группы прибалтов в городе Туле, этом ответственном пункте оборонной черты. К моменту обсуждаемых событий, т. е. к началу XVII века, это были, очевидно, уже представители второго поколения прибалтов, связавших свою судьбу с Россией.

Основную массу служилых людей, испомещенных на южной окраине государства, составляла в обсуждаемый период категория, именуемая

¹⁴ «*Rerum Rossicarum scriptores exteri*». Tomus II, Petropoli, 1868, pag. 78.

служилыми людьми «по прибору», «приборными людьми». Из них составлялись гарнизоны городов и укреплений засечных черт, а также и конные отряды для несения сторожевой, «станичной» службы в «поле» по главным путям подхода татарских полчищ. За свою военную службу «приборные» люди получали надел земли — «поместье», но без права владения крестьянами, чем они отличались от служилых дворян. «Приборные» люди были обязаны в пользу государства обрабатывать так называемую «государеву десятинную пашню»¹⁵.

К этой наиболее демократичной категории служилых людей, по всей видимости, и следует отнести тульских служилых людей прибалтов.

А. А. Новосельский¹⁶ дает следующую характеристику этой категории служилых людей: «... Среди классов Московского общества украинные детишки боярские, городовые казаки, пушкари, затинщики, засечные сторожа... образовали промежуточный слой между наследственным землевладельческим дворянским классом и тяглыми классами»¹⁷. И далее: «Господствовавшая на территории южных уездов Московского государства, за пределами первой засечной черты, форма землевладения называется обычно «сябринной»... следует считать обоснованным сближение ее с крестьянским землевладением. Нормы поместного права, действию которых было подчинено землевладение южных приборных служилых людей, обусловленность его военной службой не уничтожали свойственных ему типично крестьянских черт.

В отличие от поместья служилого человека «по отчеству», приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами в общей меже... Отсюда вытекал совсем иной порядок землепользования, чем в обычном поместье... В массе своей южные служилые люди вели трудовое хозяйство, т. е. землевладельцы одновременно были и земледельцами. Все это дает основание рассматривать землевладение приборных служилых людей как своеобразный вариант крестьянского землевладения»¹⁸.

«По образному выражению В. А. Ключевского, центр Московского государства, где были сосредоточены крупные поместья и вотчины владельческих верхов, был опоясан, как живой изгородью, с запада, юга и востока несколькими линиями, занятыми массами мелких служилых людей разных наименований. Государство вело оборонительную и наступательную политику силами демократических кадров, рекрутировавшихся из самых разнообразных элементов»¹⁹.

VI

После того, как мы таким образом познакомимся с условиями помещения служилых людей южной окраины Русского государства начала XVII в., перейдем к рассмотрению исторических судеб служилых людей города Тулы в ближайшие годы после описанных нами событий под Кромами. Можно предположить, что служилые люди прибалты участвовали

¹⁵ История СССР, т. 1, Москва, 1939, стр. 407 (из главы, написанной В. И. Пичета); И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, 1606—1607, Госполитиздат, 1951, стр. 131 и сл.

¹⁶ А. А. Новосельский, Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства XVII в. «Исторические записки», 1938, № 4.

¹⁷ Там же, стр. 22.

¹⁸ Там же, стр. 21—22.

¹⁹ Там же, стр. 39.

в составе других тульских служилых людей в развернувшихся бурных событиях.

С осени 1606 года в стране разгорается крестьянская война. Армия восставших крестьян под руководством Болотникова устремляется к Москве, где сидит «боярский» царь Василий Шуйский. Везде, где появляются отряды Болотникова, крестьяне, городская беднота и мелкие служилые люди присоединяются к нему. Войска царя Василия Шуйского терпят поражение за поражением. На сторону крестьянской армии переходят также недовольные боярским правительством тульские дворяне, не говоря уже о категориях более мелких служилых людей, испомещенных в Туле и уезде. Они становятся под команду одного из военных руководителей восстания, сотника Истома Пашкова.

Не может быть никакого сомнения в том, что и упоминаемых в записках Массы тульских служилых людей из прибалтов-автохтонов мы должны искать в это время в рядах войск Болотникова. Тем более, что Исаак Масса в другом месте нам сообщает, что на сторону Болотникова переходили также среди людей разных слоев населения и ливонцы²⁰. Правда, Масса не уточняет этническую принадлежность этих ливонцев, но можно с большой уверенностью считать, что движение Болотникова было значительно ближе интересам служилых людей из прибалтов-автохтонов, бывших в недавнем прошлом крепостными крестьянами, чем служилым людям из ливонских немцев, бывших всегда ярыми крепостниками, которых в ряды армии Болотникова мог скорей привести авантюризм. Кроме того, немцы в этой связи у Массы названы отдельно (Duytsen).

В середине октября 1606 года Болотников подходит к Москве, но взять ее не может. В конце ноября этого же года царские войска, получив большие подкрепления, атаковали лагерь Болотникова у села Коломенского. В самый разгар боев тульские дворяне с Истомой Пашковым перешли на сторону Шуйского и своей изменой облегчили победу царских войск.

Дворянство в своей борьбе с крупными феодалами-боярами могло быть лишь временным союзником крестьян, но будучи само классом, жившим эксплуатацией крестьян, не могло допустить окончательной победы восставших крестьянских масс. Аналогичную политику дворянства мы можем проследить и в западноевропейских крестьянских войнах XVI века²¹.

Какую роль в этих событиях играли тульские прибалты-автохтоны? Можно предположить, что, принадлежа к приборным служилым людям, не владевшим крепостными, а, наоборот, приближавшимся по своему хозяйственному укладу к крестьянам, как было указано выше, они остались верными союзниками восставших русских крестьян, тем более, что старшее поколение этих служилых людей хорошо должно было помнить по личному опыту, что значило быть крепостным. За то, что не все тульские служилые люди изменили Болотникову, говорит также и то, что с мая 1607 года Тула становится его главным центром, где он реорганизует свои отряды. Летом того же года большая армия царя Василий Шуйского блокировала Тулу и приступила к ее систематической осаде. Четыре месяца Болотников отчаянно обороняется в Туле.

Предположение, что среди войск Болотникова, блокированных в Туле, находились и служилые прибалты, становится очень вероятным, если при-

²⁰ «Ondertussen waren de oproerige meesters van den velde... en creegen alle aen haer syde, ooc liepender veele over vant moscovise heyr, soo wel Duytsen, Lyflanders als Russen...» («*Rerum Rossicarum scriptores exteri*». Tomus II, Petropoli, 1868, pag. 107.)

²¹ См. Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, Москва, Госполитиздат, 1953.

нять во внимание следующее сообщение: «А в Туле в те поры был вор Петрушка, назывался царя Федора Ивановича сын, да с ним князь Ондрей Телятевской, да Ивашка Болотников, холоп Телятевского, да Самойла Хахановской и иные многие дети боярские и украинских городов иноземцы и многие казаки, и всяких воров сидели с вогненным боем с 20 тысяч»²². Среди этих «украинных городов иноземцев» и следует искать служилых людей упоминаемого Исааком Массой отряда Ласа Вьюго.

Только после того, как войсками Шуйского была построена плотина, остановившая течение реки Упы, вода которой затопила последние запасы продовольствия и пороха в городе, осажденные вынуждены были сдаться. Движение Болотникова было потоплено в крови.

Можно предположить, что разгром восстания Болотникова также представляет собой и конец групповому поселению служилых прибалтов в Туле. Те из них, которые пережили бурные события этих лет, были уже одиночками, быстро слившимися с окружающим русским населением.

VII

Подытожим все то, что нам удалось установить из записок Исаака Массы о прибалтах-автохтонах в Русском государстве начала XVII века.

1. В городе Туле в начале XVII века существовало групповое поселение служилых людей прибалтов, среди которых были лица, принадлежащие к автохтонным прибалтийским народностям (Onduytsen).

2. Эти служилые прибалты составляли особый конный отряд под командой начальника из своей же среды (Las Viugo).

3. Отряд этот был боеспособной частью русского войска того времени, способный к самостоятельным действиям в ответственные моменты военных операций (испомещение отряда в Туле, его участие в событиях под Кромами в 1605 году).

4. Среди вольных казаков южнорусских степей имелись прибалты-автохтоны. Известный также и из русских источников атаман донских казаков Григорий Корела, видный участник военных действий под Кромами, назван Исааком Массой уроженцем Курземе (Coerlandt).

5. Служилые прибалты участвовали в событиях крестьянской войны в рядах войска Болотникова.

Из этих известий можно сделать вывод, что эстонцы и латыши, попавшие в результате Ливонской войны или после нее в основные области Русского государства, получали возможность к значительному улучшению своего социального положения. Ведь в Ливонии закрепощение крестьянства в период орденского господства достигло крайне жестких форм. Эстонцы и латыши в своей массе были лишены всех прав, не только гражданских, но даже и человеческих, так как немецкие феодалы не признавали человеческого достоинства за крестьянами ненемецкой национальности. Засвидетельствованные же Исааком Массой в Туле прибалты-автохтоны являются военно-служилыми людьми, т. е. принадлежат к общественному слою Русского государства, который был свободным, не тягловым и получал от государства землю, за что был обязан нести воен-

²² А. Попов, Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции, 1869, стр. 337.

ную службу. Эстонцы и латыши среди служилых людей находятся на равных правах со своими бывшими порабитателями — ливонскими немцами.

Таким образом, разобранные известия Исаака Массы проливают некоторый свет на оставшиеся до сих пор темными страницы истории взаимоотношений русского народа и прибалтийских народностей. Эти известия дают нам достаточно материала, чтобы наглядно представить себе судьбу эстонцев и латышей, переселившихся в результате Ливонской войны в русские области; мы узнаем имена отдельных лиц и видим представителей прибалтийских народностей плечо к плечу со своими русскими собратьями принимающими активное участие в исторических событиях, потрясавших Русское государство в начале XVII века.

Ярославский технологический институт

Поступила в редакцию
12 X 1955

ISAAC MASSA TEATED BALTIMAALASTE KOHTA VENE RIIGI TEENISTUSLASTE HULGAS XVII SAJANDI ALGUL

I. KLEINENBERG

RESUMEE

Liivi sõja tagajärjel sattus suur hulk eestlasi ja lätlasi mitmesugustel põhjustel Vene riigi keskosadesse ning jäi sinna elama. Vene ja kohalikud Baltimaade ajalooallikad vaid konstateerivad seda fakti, kuid ei võimalda selgitada nende inimeste sotsiaalset ja majanduslikku seisundit uues elukohas.

Käesolevas püütakse analüüsida XVII sajandi alguses Venemaal asunud baltimaalaste kohta antud teateid, mis leiduvad Moskvast asunud Hollandi residentide Isaac Massa memuaarides¹.

Kirjeldades sõjategevust tsaar Boris Godunovi ja Vale-Dimitri I pooldate vahel 1605. aastal Kromõ linna all, esitab Massa huvitavaid andmeid ühe Moskva väesalga kohta. See väesalk asus algul Kromõ kindluses, kuid pidi väeülemale käsul kindluse maha jätma ning ühinema sõjaväe peajõududega. Salga koosseisu kohta teatab Massa, et suurema osa sellest moodustasid liivimaalased, vangivõetud baltimaalased ja kuramaalased (*meest Lyflanders, gevangene Onduytsen en Coerlanders*). Väesalga komandörina nimetab Massa rittmeister Las Viugo't, salga asukohana aga Tuula linna. Edasi märgitakse, et Vale-Dimitri sõjaväe hulka kuulunud ja pärast Moskva väesalga lahkumist kohe Kromõ hõivanud doni kasakate ülemaks oli Kurzemest (*Coerlandt*) pärit olev ataman Korela (*Corela*), kes on tuntud ka vene allikais². Et kasakate read täienesid feodaalisandate juurest pagenedu pärisoriste talupoegadega, siis on meil põhjust Korelas näha ühe balti pärisrahva esindajat.

Peamine, mida meile annavad Massa teated, on aga see, et Tuulas oli XVII sajandi alguses olemas rühm baltimaalastest teenistulaslast, kelle hulgas oli balti pärisrahvaste hulka kuuluvaid isikuid, sest sõnaga „Onduytsen” tähistasid Liivimaa sakslased nende poolt orjastatud rahvaid. Need baltimaalastest teenistulaslased moodustasid erilise ratsasalga, millest annab tunnistust salga ülema nimetamine rittmeistriks (*ritmeester*). Väesalga ülema Las Viugo nime saab etümoloogiliselt seletada läänemere-soome keelte põhjal. Väesalga paiknemisest Tuulas võib järeldada, et ta oli tolleaegse vene

¹ *Rerum Rossicarum scriptores exteri*, Tomus II, Petropoli, 1868, pag. 60, 61, 78, 107.

² «Иное сказание», Русская историческая библиотека, том XIII, стр. 36.

sõjaväe tõeliselt võitlusvõimeliseks osaks, sest Tuula linn oli XVI—XVII sajandil peamiseks tugipunktiks kindlustatud liinil, mis oli loodud riigi lõuna- piiri kaitseks Krimmi tatarlaste vastu.

Moskva valitsus hoolitses pidevalt selle eest, et kaitseliinil asuvais linnades ja maakondades elaksid sõjaliselt kogenud teenistuslased, kellede hulgas oli ka mittevene rahvusest isikuid. Vaadeldaval perioodil moodustasid riigi lõunarajale paigutatud teenistuslaste põhimassi inimesed, keda nimetati teenistuslasteks „valiku järgi” (служилые люди „по прибору”). Oma teenistuse eest said nad maakrunte, kuid ilma talupoegade valdamise õigusega, millega need teenistuslased erinesid teenistusaadlist. Teenistuslaste selle demokraatlikuma kategooria hulka tuleb ilmselt arvata ka Tuulas asunud baltimaalastest teenistuslased.

Aastail 1606—1607 said Tuula teenistuslased talurahvasõja aktiivseiks osavõtjaiks ning ühinesid Bolotnikovi vägedega. Massa teatab, et Bolotnikovi poole läksid üle ka baltimaalased (*ooc liepender veele over vant moscovise heyr, soo wel Duytsen, Lyflanders als Russen*). Kui Bolotnikov 1607. aasta suvel Vassili Šuiski vägede poolt Tuulas sisse piirati, siis olid Tuulas peale teiste sõjameeste kategooriate ka „ääremaade linnade vööramaalased”, nagu teatab üks vene allikas³. Nende „vööramaalaste” hulgas oli kahtlemata ka Baltimaalt pärinevaid teenituslasi.

Võib oletada, et Bolotnikovi ülestõusu purustamine tegi lõpu ka baltlastest teenistuslaste grupi olemasolule Tuulas. Isaac Massa teateist võib teha üldise järelduse, et Liivi sõja tulemusena Vene riigi keskosadesse sattunud eestlased ja lätlased olid seal palju paremas olukorras kui nad olid olnud varem Baltimaadel. Jõudis ju Liivimaal orduvõimu perioodil talurahva pärisorjastamine äärmiselt rangete vormideni. Eestlased ja lätlased olid rõhuvast enamikus pärisorjad, kellelt olid võetud kõik õigused, sest saksa feodaalid ei tunnustanud mitesaksa rahvusest talupoegade inimõigusi. Isaac Massa poolt märgitud baltimaalased aga olid sõjaväeteenistuslased, s. o. nad kuulusid Vene riigi elanikkonna sellesse kihti, kes oli vaba, ei kandnud koormisi ning sai riigilt maad, mille eest ta oli kohustatud kandma sõjaväeteenistust. Eestlastel ja lätlastel olid teenistuslastena samad õigused nagu nende endistel orjastajatel — Liivimaa sakslastel.

Jaroslavl'i Tehnoloogiline Instituut

Saabus toimetusse
12. X 1955

DIE MITTEILUNG BEI ISAAC MASSA ÜBER DIE BALTEN-AUTOCHTHONEN UNTER DEN LEHNSLEUTEN DES RUSSISCHEN REICHES IM ANFANG DES 17. JAHRHUNDERTS

I. KLEINENBERG

ZUSAMMENFASSUNG

Als Ergebnis des Livländischen Krieges geriet eine beträchtliche Menge Esten und Letten aus verschiedenen Gründen in die zentralen Gebiete des Russischen Reiches und wurden dort ansässig. Die russischen und örtlichen, baltischen, Geschichtsquellen konstatieren nur das Vorhandensein dieser Tatsache, geben aber keine Möglichkeit, die soziale und wirtschaftliche Lage dieser Menschen am neuen Wohnsitz aufzuklären.

Im vorliegenden Artikel wird ein Versuch gemacht, diejenigen Mitteilun-

³ А. Попов, Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции, 1869, стр. 337.

gen über die Balten-Autochthonen im Russischen Reiche am Anfang des 17. Jahrhunderts zu analysieren, die in den Memoiren des holländischen Residenten Isaac Massa enthalten sind¹.

In seiner Schilderung der Kriegsoperationen zwischen den Heeren des Zaren Boris Godunow und den Anhängern des Pseudo-Dimitri bei der Stadt Kromy im Jahre 1605, gibt Massa interessante Angaben über eine der Abteilungen des Moskauer Heeres. Dieser Trupp besetzte anfangs die Festung Kromy, musste sie aber auf Anordnung des Befehlshabers verlassen, um sich den Hauptkräften der Armee anzuschliessen. Über die Zusammensetzung dieser Abteilung berichtet Massa, dass ihren grössten Teil Livländer, kriegsgefangene Balten-Autochthonen und Kurländer bildeten (*meest Lyf-landers, gevangene Onduytsen en Coerlanders*), als Kommandeur der Abteilung nennt Massa den Rittmeister Las Viugo (*ritmeester . . . Las Viugo*), als Standort — die Stadt Tula (*stadt Toela*). Weiter hören wir, dass der Befehlshaber der Donkosaken in den Truppen des Pseudo-Dimitri, die gleich das von der Moskauer Abteilung verlassene Kromy besetzten, der aus Kurzeme (Coerlandt) gebürtige Hetman Korela (*Corela*) war, der auch aus russischen Quellen bekannt ist².

Aus diesen Mitteilungen von Massa geht hervor, dass im Anfang des 17. Jahrhunderts in Tula eine Gruppenansiedlung baltischer Lehnsleute existierte, unter denen es Menschen gab, die zu den autochthonen baltischen Völkern gehörten, da die livländischen Deutschen mit dem Wort „Onduytsen“ die von ihnen versklavten baltischen Völker bezeichneten. Diese baltischen Lehnsleute stellten eine besondere Reiterabteilung dar, wovon die Benennung ihres Befehlshabers „ritmeester“ zeugt. Der Name des Abteilungscommandeurs „Las Viugo“ weist, bei etymologischer Überprüfung, auf eine Anlehnung an finnisch-ugrische Sprachen hin, weshalb wir in der Person Las Viugo's einen Balten-Autochthonen sehen dürfen. Der Umstand, dass die Abteilung in Tula untergebracht war, lässt darauf schliessen, dass sie tatsächlich einen kampffähigen Teil der russischen Armee jener Zeit darstellte, da die Stadt Tula im 16.—17. Jahrhundert den Hauptstützpunkt der Festungslinie bildete, die zur Verteidigung der Südgrenze des Landes gegen die Krimtataren angelegt worden war.

Die Moskauer Regierung war ständig darum bemüht, längs dieser Verteidigungslinie im Kriegswesen erfahrene Lehnsleute anzusiedeln, unter denen sich auch Nichtrussen befanden. Den Hauptbestandteil der an der Südgrenze des Reiches angesiedelten Lehnsleute bildeten in dem von uns betrachteten Zeitabschnitt die sogenannten „Wahl-Lehnsleute“ (*служилые люди „по прибору“*). Für ihre Kriegsdienste erhielten die Wahl-Lehnsleute vom Staate Landparzellen zugefeilt, hatten jedoch — im Gegensatz zu den Lehnsleuten von Adel — kein Recht Bauern zu besitzen. Dieser demokratischen Kategorie der Lehnsleute gehörten, aller Wahrscheinlichkeit nach, auch die Tula'er baltischen Lehnsleute an.

In den Jahren 1606—1607 wurden die Tula'er Lehnsleute zu aktiven Teilnehmern des Bauernkrieges und schlossen sich den Truppen Bolotnikows an. Wie Massa berichtet, gingen auch Balten zu Bolotnikow über (*ooc liepender veele over vant moscovise heyr, soo wel Duytsen, Lyflanders als Russen . . .*). Als im Sommer des Jahres 1607 Bolotnikow in Tula von den Truppen Wassili Schuisky's blockiert wurde, befanden sich in Tula, ausser Kriegern anderer Kategorien, auch „Fremdländer aus den Grenzstädten“ (*украинных городов иноземцы* — wie wir einer russischen Quelle entnehmen)³. Unter

¹ *Rerum Rossicarum scriptores exteri*, Tomus II, Petropoli, 1868, pag. 60, 61, 78, 107.

² «Иное сказание». Русская историческая библиотека, том XIII, стр. 36.

³ А. Попов, Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции, 1869, стр. 337.

diesen „Fremdländern“ sind zweifellos auch die baltischen Lehnleute zu suchen.

Es ist anzunehmen, dass die Niederwerfung des Bolotnikow-Aufstandes auch das Ende der Gruppenansiedlung baltischer Lehnleute in Tula war.

Aus dem Bericht des Isaac Massa kann allgemein gefolgert werden, dass die Esten und Letten, die im Ergebnis des Livländischen Krieges in die Zentralgebiete des Russischen Reichs geraten waren, sich dort in einer weit aus besseren Lage befanden als im Baltikum. Hatte doch in Livland die Versklavung der Bauern zur Zeit der Ordensherrschaft äusserst scharfe Formen angenommen. Esten und Letten waren in ihrem überwiegenden Teil Leibeigene, jeglicher Rechte bar, da die deutschen Feodalherren den Bauern nichtdeutscher Abstammung jegliche Menschenwürde absprachen. Die jedoch in den bestätigten Berichten von Isaac Massa angeführten Balten-Autochthonen waren Kriegerleute, d. h. gehörten einer gesellschaftlichen Schicht des Russischen Reichs an, die frei und steuerfrei war, vom Staate Landzuweisungen erhielt, dagegen aber dem Staate Kriegsdienste zu leisten hatte. Die Esten und Letten genossen somit unter den Lehnleuten die gleichen Rechte, wie ihre früheren Unterdrücker — die livländischen Deutschen.

Technologisches Institut zu Jaroslavl

Eingegangen
am 12. Okt. 1955